

Моск. новости. - 1988. - 20 нояб. (№97) - с. 11

ваш взгляд, перемены произошли у нас за восемь лет?»

— В среде польской интеллигенции бытуют две противоположные оценки. Одни склонны преувеличивать успехи перестройки, считая, что все, к чему призывает ваша пресса, уже свершилось. Другие —

запись, поскольку «Свободное слово» намерено публиковать материалы заседаний в научных и популярных журналах. Гость говорил в основном о своей стране. О «Солидарности». О взаимоотношениях с правительством. Все это выходит за рамки информационного газет-

генция, то не добиться свободы и им самим. Я снимал много политических фильмов и всегда имел массу сложностей и с производством, и с прокатом. Но с самым острым фильмом «Человек из железа» проблем не было вообще. Тогда, в 1981-м, за моей спиной стоял

Существует ли «тип» советского режиссера? Да. Во-первых, он лучше западного подготовлен к профессии. Во-вторых, его путь в кино гораздо сложнее. Автора «Калины красной» в Польше не пустили бы на порог киношколы! У меня (единственный случай) учились бывший каменщик, и я был счастлив, что он сможет поведать людям о «другой жизни». Но парня выгнали уже со второго курса — он ведь не знал, что такое плоский кубизм. Мне кажется, советское кино «обречено на успех» за рубежом. Благодаря поддержке многовековой русской культуры, которая сказывается и в самые тяжелые для искусства времена. Благодаря тому, что... вас во всем мире боятся и радуются любой возможности убедить: красивые — это не так уж страшно. В свое время фильм «Баллада о солдате» заставил меня поверить в Советский Союз эффективнее, чем вся ваша пропаганда...

ЧЕЛОВЕК ИЗ ВАРШАВЫ

Послесловие к ретроспективе фильмов Анджея Вайды

Вайда опоздал на полчаса. Но ожидавшие не проявляли нетерпения. Ведь обладателя шестнадцати призов международных кинофестивалей, в том числе трех московских, мы ждали (без особой, впрочем, надежды) без малого восемь лет.

— Вас удивило приглашение Союза кинематографистов СССР?

— Не очень. Я знал, что мои советские друзья предпринимали попытки сделать этот приезд возможным. Но хотелось появиться в Советском Союзе с новыми фильмами, которые определяют мое сегодняшнее отношение к миру. Чтобы не производить впечатлительные режиссера, остановившегося на «Земле обетованной» в далеком 1974-м. Но то, что в больших московских кинотеатрах шли «Человек из мрамора», «Человек из железа», «Дантон», меня в самом деле поражает.

Вопрос я задавал Вайде уже по окончании встречи во Всесоюзном центре кинематографии. А первый, заданный секретарем правления СК СССР Валентином Толстых, звучал вполне стандартно: «Какие, на

их больше — оценивают перемены в СССР как попытку политического маневра. Мне кажется, я увидел подтверждение обеих точек зрения.

Пора объяснить, о какой встрече идет речь. Ее проводил клуб «Свободное слово» при Союзе кинематографистов. Члены клуба — философы, историки, искусствоведы, кинематографисты — намерены уйти от киноведческой специфики. Здесь обсуждаются и мировоззренческие вопросы, и конкретные проблемы общества, в котором мы живем, и времени, которое это общество переживает. Вот почему на встрече с режиссером не было вопросов о творческих планах и любимых актерах.

Разговор длился больше двух часов. Велась его магнитофонная

ного материала не только из-за недостатка места. Мнение человека — пусть даже художника огромного таланта — субъективно, оно требует комментария, наличия оппонировавшей стороны, что не входило в редакционное задание. Потому ограничусь короткими расшифровками собственной стенограммы — ответами Вайды на вопросы историка Эйдельмана, режиссера Чухрая, философов Грушина и Соловьева, драматурга Гребнева, имеющими, на мой взгляд, общечеловеческое значение.

— Отменить правду трудно. Поэтому я понимаю стремление вашей интеллигенции сказать как можно больше правды. Но польский опыт показывает, что этого недостаточно. Интеллигенция слишком слаба, чтобы изменить ситуацию в государстве. Перемены невозможны без рабочего класса. В числе требований забастовки на гданьской судовой верфи в 1980 году был и пункт об отмене цензуры. Естественно, рабочие не собирались писать романы, но они понимали, что если не получит свободу слова интелли-

десятимиллионный профсоюз, который признал фильм своим...

Обществу необходима независимая от государства организация, не претендующая на власть, а, наоборот, охраняющая общество от произвола власти. На сегодняшний день это важнее для Польши, чем многопартийная система...

Активизация общества благотворно сказывается на искусстве. Художник становится рупором общества. Я это испытал дважды. В конце 50-х, когда снимал «Пепел и алмаз», — то была иллюзия ренессанса. И в начале 80-х. Те годы породили так называемый «кинематограф морального беспокойства»: кино не «подключалось» к движению, а явилось его пусть небольшой, но составной частью. Все, чего нам удалось добиться сейчас, это возвращение тех лент на экраны страны. Современное польское искусство ищет выход в коммерциализации, и осуждать его за это я не могу. Руссо говорил, что, даже будучи проглоченным, человек не должен дать себя переварить...

Кое-что из советской прессы просачивается в Польшу. Но русский язык знают очень немногие, а к переводам отношение недоверчивое, поскольку неизвестно, кто определяет отбор. Хорошо бы иметь подробный дайджест вашей прессы на польском. Пока же она распространяется в основном в самиздате...

Все ждали вопросов от самого Вайды. Вопрос у него был один: «Есть ли у советских людей гарантии необратимости перемен? Они так необходимы полякам!»

— Вам не повредит это выступление, если оно попадет в газеты? — этот вопрос родился у меня уже в ходе беседы. Задать его я долго не решался. А как не задать?

— У нас есть довольно четкое разграничение: кому «положено» рассуждать о политике, а кому нет. Вот почему для людей моего круга очень важно, что их представитель говорил в Москве то, что думает. И его, — добавил Вайда, — слышали.

Андрей ВАСИЛЬЕВ.